

УДК 343.132:343.163(477)

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРОМ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ В ПРЕДЕЛАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА ДОСУДЕБНЫМ РАССЛЕДОВАНИЕМ

Игорь ДОБРУЦКИЙ,

временно исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного процесса
Одесского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проведен короткий анализ полномочий прокурора в досудебном производстве в части перенимания им следственных полномочий, исследована рациональность этих полномочий в практической деятельности прокурора, их влияние на процессуальную самостоятельность следователя при принятии им процессуальных решений, а также соответствие отдельных полномочий Конституции Украины. Кроме того, приведены отдельные данные относительно использования прокурорами ряда полномочий в ходе досудебного расследования за последние два года.

Ключевые слова: уголовный процессуальный кодекс Украины, Конституция Украины, следователь, прокурор, процессуальное руководство, полномочия прокурора.

SPECIFIC PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROTECTIVE AUTHORITY IN THE FIELD OF PROCEOAL MANAGEMENT WITH READINESS INVESTIGATION

Igor DOBRUTSKIY,

Acting Head of the Chair of Criminal Process
of the Odessa State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article provides a brief analysis of the powers of the prosecutor in the preliminary investigation in the aspect of their adoption of investigative powers, the expediency of these powers of the prosecutor in practice, their influence on the procedural independence of the investigator in the adoption of the last procedural decisions, as well as the compliance of certain powers of the Constitution of Ukraine. In addition, some data are provided on the use of a number of powers by prosecutors during the preliminary investigation over the past two years.

Key words: criminal procedure code of Ukraine, Constitution of Ukraine, investigator, prosecutor, procedural management, powers of prosecutor.

REZUMAT

Articolul oferă o scurtă analiză a competențelor procurorului în procedura de pre-proces, în ceea ce privește preluarea atribuțiilor lor de investigare, raționalitatea competențelor procurorului în practică, impactul lor asupra independenței procesuale a investigatorului atunci când se iau soluții protsesuale, precum și respectarea anumitor competențe ale Constituției Ucrainei. În plus, având în vedere dovezile în ceea ce privește utilizarea unui număr de competențe ale procurorilor în investigarea pre-proces, în ultimii doi ani.

Cuvinte cheie: Penal Codul de procedură al Ucrainei, Constituția Ucrainei, anchetatorul, procurorul, manualul de procedură, atribuțiile procurorului.

Постановка проблемы. Уголовным процессуальным кодексом Украины [1] предусмотрено, что прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов во время проведения досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием. Впрочем, содержание процессуального руководства, содержащегося в ч. 2 ст. 36 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК Украины) отдельным полномочиям прокурора, предоставляет последнему право осуществления уголовного пре-

следования, в том числе и лично, что, на наш взгляд, выходит за пределы надзора и не является характерным для отечественного уголовного процесса.

Актуальность темы исследования подтверждается недостаточной степенью исследования проблем осуществления прокурором следственных полномочий в пределах процессуального руководства досудебным расследованием.

Состояние исследования. Отдельные вопросы, касающиеся перенимания прокурором следственных полномочий и, как следствие, уменьшения

процессуальной самостоятельности следователя исследовались в работах ученых-юристов, а именно: В.Д. Берназа, В.Г. Гончаренко, В.П. Даневского, Н.С. Карпова, В.Т. Нора, Б.В. Романюк, С.В. Слинько, С.М. Смокова, М.Е. Шумило, О.Г. Яновской, О.В. Баулина, В.А. Будникова, О.О. Власова, Е.И. Воронина, И.Д. Гончарова, А.П. Гуляева, А.Я. Дубинского, В.С. Зеленецкого, А.О. Клейна, В.Т. Маляренко, О.Р. Михайленко, М.М. Михеенко, О.А. Солдатенко, В.В. Шимановского и других, однако, несмотря на это, степень научной

разработанности этих вопросов, учитывая пятилетнее практическое применение новых положений УПК и, как следствие, возникновение в течение этого периода ряда проблем, требует дальнейшего совершенствования.

Целью и задачей статьи является определение современного состояния и перспектив осуществления прокурором следственных полномочий в пределах процессуального руководства досудебным расследованием, недостатков нормативно-правового обеспечения реализации указанных полномочий.

Изложение основного материала.

Прошло пять лет, как в Украине заработал действующий Уголовный процессуальный кодекс, призванный заменить устаревший УПК Украины 1960-го года, который содержал многочисленные «постсоветские» положения, крайне трудно сочетающиеся с задекларированными процессами демократизации. В действующем УПК Украины заложен новый, европейский подход к уголовному процессу, в частности на стадии досудебного расследования преступлений. Одной из наиболее важных доктрин уголовного судопроизводства, без преувеличения, следует считать расширение функций прокурорского надзора за досудебным расследованием. В соответствии с ч. 2 ст. 36 УПК законодатель наделил прокурора широкими властно-предписывающими полномочиями, в частности и теми, которые обеспечивают осуществление им процессуального руководства в части проведения следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий. Более того, прокурор получил полномочия, которые по своей сути являются полномочиями следователя и традиционно считаются следственными полномочиями:

- начинать досудебное расследование при наличии оснований, предусмотренных УПК (п. 1 ч. 2 ст. 36 УПК);

- поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленный прокурором срок следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий или давать указания относительно их проведения, или участвовать в них, а в необходимых случаях – лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия в порядке, предусмотренном УПК (п. 4 ч. 2 ст. 36 УПК);

- поручать проведение следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий соответствующим оперативным подразделениям (п. 5 ч. 2 ст. 36 УПК);

- принимать процессуальные решения в случаях, предусмотренных УПК, в том числе относительно закрытия уголовного производства и продления сроков досудебного расследования при наличии оснований, предусмотренных УПК (п. 9 ч. 2 ст. 36 УПК);

- уведомлять лицо о подозрении (п. 11 ч. 2 ст. 36 УПК);

- утверждать или отказывать в утверждении обвинительного акта, ходатайств о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, вносить изменения в составленный следователем обвинительный акт или указанные ходатайства, самостоятельно составлять обвинительный акт или указанные ходатайства (п. 13 ч. 2 ст. 36 УПК).

О состоянии реализации прокурорами указанных полномочий можно судить, исходя из анализа статистических данных Генеральной прокуратуры Украины [8; 9]. Так, в 2016 году прокурорами выявлены и внесены в Единый реестр досудебных расследований сведения о совершенных уголовных правонарушениях в 3250 случаях, в 2017 году – в 6439. В 2016 году лично прокурорами направлено в суд 10 173 ходатайства о проведении НСРД, в 2017 году – 13 661.

Прокурорами выносились постановления о возобновлении досудебного расследования в уголовном производстве, в частности в 2016 году – 321 (из которых следователей прокуратуры – 27, следователей Национальной полиции – 249, следователей Службы безопасности – 43, следователей ГФС и детективов Национального бюро – по 1); в 2017 году – 277 (из которых в производствах следователей прокуратуры – 51 (против 27, или +88,9%), следователей полиции – 205 (против 249, или -17,7%), Службы безопасности – 17 (против 43, или -60,5%), следователей ГФС – 4 (против 1, или в 4 раза больше), детективов НАБУ – ни одного (против 1 в прошлом году).

Кроме того, прокурорами направлялись в суд ходатайства о применении мер пресечения, в частности в 2016 году – 33 759, в 2017 году – 39 295.

Кроме того, в 2016 году направлено ходатайств о содержании под стражей – 17 593, из которых 3163 отклонено судом (18,0%). По делам в отношении несовершеннолетних направлено в суд 299 ходатайств о взятии под стражу, из них 71 (23,7%) отклонено судом. В 2017 году прокурорами направлено 22 473 ходатайств, из которых 4556 отклонено судом (20,3%). По делам в отношении несовершеннолетних направлено в суд 349 ходатайств о содержании под стражей, из них 97 (27,8%) отклонено судом.

В 2016 году прокурорами направлено в суд 7192 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в 2017 году – 8844; ходатайств об избрании меры пресечения в виде залога в 2016 году – 257 и в 2017 году – 285; ходатайств об избрании меры пресечения в виде личного обязательства в 2016 году – 8616 и в 2017 году – 7645.

Также лично прокурорами закрыто в 2016 году 6230 уголовных производств, в 2017 году – 2881 [2; 3].

Законодатель уполномочил прокурора в необходимых случаях лично проводить следственные (розыскные) и другие процессуальные действия в порядке, предусмотренном УПК. В научной литературе отмечается, что это право прокурору следует использовать с целью: предоставления помощи малоопытному следователю; в случае несогласия с предложенной следователем тактикой проведения соответствующего следственного действия; при проверке другой версии; при необходимости проведения повторного, более детального допроса, осмотра места происшествия и т. п.

Однако перечисленные выше полномочия прокурора, которые называются «процессуальное руководство», по своей сути является ничем другим, как следственной функцией и средством осуществления уголовного преследования, в том числе личного.

Разделяем мнение ряда ученых, в частности О.Ю. Татарова, о том, что определенные в ч. 2 ст. 36 УПК Украины полномочия прокурора на досудебном расследовании являются несколько преувеличенными, не согласованными с положениями Конституции Украины, которая не возлагает на органы прокуратуры осуществление функций уголовного расследования на этапе

досудебного следствия [4, с. 514, 515]. Так, п. 3 ст. 121 Конституции Украины [5] определяет, что на прокуратуру возлагается лишь обязанность надзора за соблюдением законов органами, которые проводят оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие. Учитывая изложенное, несогласованность нормы Конституции Украины с принятым УПК в части отдельных полномочий прокурора может свидетельствовать о подмене понятий надзора и осуществления уголовного преследования.

Значительное увеличение полномочий прокурора во время досудебного расследования в положениях действующего УПК Украины стоит рассматривать в двух аспектах. Во-первых, несогласованность отдельных полномочий в части возможности личного осуществления прокурором уголовного преследования с Конституцией Украины, а во-вторых, – фактически полная нивелировка самостоятельности следователя, о которой идет речь в ч. 5 ст. 40 действующего УПК Украины.

При такой «самостоятельности» следователя на последнего возложена незаурядная правовая ответственность за соблюдение законности во время досудебного расследования, а именно: административная ответственность предусмотрена в ст. 185-6 (Непринятие мер относительно частного определения суда или частного постановления судьи, представления органа дознания, следователя или протеста, предписания или представления прокурора), ст. 185-8 (Уклонение от выполнения законных требований прокурора), ст. 185-11 (Разглашение сведений о мерах безопасности относительно лица, взятого под защиту); уголовная ответственность предусмотрена в ст. 371 (Заведомо незаконное задержание, привод или арест), ст. 372 (Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности), ст. 373 (Принуждение давать показание), ст. 374 (Нарушение права на защиту), ст. 380 (Непринятие мер безопасности в отношении лиц, взятых под защиту), ст. 381 (Разглашение сведений о мерах безопасности относительно лица, взятого под защиту). Кроме того, действенным механизмом влияния процессуального руководителя прокуратуры на следователя следует считать дополнение Уголовного кодек-

са Украины ст. 381-1 (Невыполнение следователем указаний прокурора). Такие механизмы кажутся более чем достаточными для обеспечения прокурором законности проведения следователем досудебного расследования.

Следовательно, возможность проведения прокурором лично следственных действий в случае значительной нагрузки на следователя имеет альтернативу – создание группы следователей. Малоопытный следователь – понятие вообще субъективное, а усовершенствование профессионального мастерства следователя относится к обязанностям руководителя органа досудебного расследования, специалистов по работе с персоналом, работников ведомственных учебных заведений, и ни в коем случае не относится к прокуратуре. В случае несогласия с предложенной следователем тактикой проведения соответствующего следственного действия, при проверке другой версии, при необходимости проведения повторного, более детального допроса, осмотра места происшествия и тому подобное – прокурор имеет полномочия на дачу письменных процессуальных указаний и вышеупомянутые рычаги контроля за их выполнением. При этом, если привлечение к административной или уголовной ответственности иногда является (в зависимости от степени или сроков невыполнения указаний) слишком суровым средством, целесообразно предложить альтернативную, более «мягкую» форму прокурорского реагирования. Как пример, рассмотреть возвращение к представлению прокурора об устранении нарушений уголовного процессуального законодательства. Максимальным результатом такого реагирования было привлечение следователя к дисциплинарной ответственности.

По действующему УПК следователь фактически превратился в помощника прокурора (к тому же еще и под угрозой административной и уголовной ответственности за неисполнение указаний последнего). Однако чтобы нести ответственность, необходимо иметь права. Как справедливо отмечал заместитель Генерального прокурора Украины Г.П. Серета, еще в проекте на это время действующего УПК Украины, следователь становится «несамостоятельным», «пассивным», «безынициативным»

исполнителем, поскольку согласно ст. 40 УПК Украины он уполномочен лишь: обращаться за согласованием с прокурором к следственному судье с ходатайством о применении средств обеспечения уголовного производства, проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий; сообщать по согласованию с прокурором лицу о подозрении; составлять обвинительный акт, ходатайство о применении принудительных мер воспитательного характера или ходатайство о применении принудительных мер медицинского характера и подавать их прокурору на утверждение и т. п. [6].

Процессуальное руководство, которое осуществляет прокурор, по нашему мнению, должно в первую очередь заключаться в контроле за законностью досудебного расследования, за его четким соответствием требованиям Конституции Украины и Уголовного процессуального кодекса, а также, поскольку это руководство, а не надзор, должно быть направлено на определение и обеспечение методики, техники и тактики расследования соответствующего уголовного производства. Хотя последнее относится больше к «криминалистическому», а не «процессуальному» руководству.

Однако относительно тождественности понятий «надзор» и «руководство» также существуют различные точки зрения. К примеру, эксперты Совета Европы (Лорена Бахмаер, Джереми МакБрайд и Эрика Сванидзе) 20 февраля 2012 года по этому поводу отмечали, что надзор является тождественным процессуальному руководству, также тождественными являются предъявление обвинения и поддержание государственного обвинения в суде, и, соответственно, эти новеллы проекта УПК Украины отвечают Конституции Украины. Эксперты отметили и то, что в проекте отсутствуют положения, которые не отвечают Основному Закону, а изложенные в этой части замечания – это вопрос интерпретации тех или других норм [7]. Однако, принимая во внимание опыт отечественной правоприменительной практики и доктринальное понимание отдельных видов этой деятельности, с вышеуказанным трудно согласиться. Надзор за соблюдением законов не совпадает с осуществлением процессуального контроля за

уголовным производством. Прокурор в соответствии с Конституцией Украины должен осуществлять надзор за законностью досудебного расследования, а определение в УПК Украины его функции как процессуального руководителя привело к искусственному объединению наблюдательного органа с поднадзорным, со всеми вытекающими из этого последствиями. Если взять как пример следователей подразделения прокуратур областного уровня, которые до этого времени функционируют, то процессуальное руководство вообще происходит почти формально, поскольку следственный отдел и отдел процессуального руководства над ним подчинены одному должностному лицу.

При этом отмеченными выше экспертами уже в п. 106 Вывода относительно проекта действующего УПК Украины обращено внимание «на те опасности, с которыми связана большая зависимость следователей от прокурора» [8]. Такое положение вещей фактически нивелирует процессуальную самостоятельность следователя, определенную в ч. 5 ст. 40 УПК Украины.

Для оперативного исправления нарушений следователями уголовного процессуального законодательства на досудебном расследовании следует согласиться с такими полномочиями, как: иметь доступ к материалам, документам и другим сведениям, которые касаются досудебного расследования (п. 2 ч. 2 ст. 36 УПК); отменять незаконные и необоснованные постановления следователей (п. 7 ч. 2 ст. 36 УПК); инициировать перед руководителем органа досудебного расследования вопрос об отстранении следователя от проведения досудебного расследования и о назначении другого следователя при наличии оснований, предусмотренных УПК, для его отвода, или в случае неэффективного досудебного расследования (п. 8 ч. 2 ст. 36 УПК); принимать процессуальные решения в случаях, предусмотренных УПК, в том числе относительно закрытия уголовного производства и продления сроков досудебного расследования (п. 9 ч. 2 ст. 36 УПК); согласовывать или отказываться в согласовании ходатайств следователя к следственному судье о проведении следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий в случаях, предусмотренных УПК, или

самостоятельно подавать следственному судье такие ходатайства (п. 10 ч. 2 ст. 36 УПК); утверждать или отказываться в утверждении обвинительного акта, ходатайств о применении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, вносить изменения в составленный следователем обвинительный акт или указанные ходатайства, самостоятельно складывать обвинительный акт или указанные ходатайства (п. 13 ч. 2 ст. 36 УПК); согласовывать запрос органа досудебного расследования о международной правовой помощи, передачи уголовного производства (п. 16 ч. 2 ст. 36 УПК); проверять перед направлением прокурору высшего уровня документы органа досудебного расследования о выдаче лица (экстрадиции), возвращать их соответствующему органу с письменными указаниями, если такие документы не обоснованы или не отвечают требованиям международно-правовых договоров, согласие на обязательность которых предоставлено Верховным Советом Украины, или законам Украины (п. 18 ч. 2 ст. 36 УПК).

Наиболее дискуссионным является полномочие прокурора, отмеченное в п. 4 ч. 2 ст. 36 УПК, а именно: «поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленный прокурором срок следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий или давать указания относительно их проведения, или участвовать в них, а в необходимых случаях – лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия в порядке, определенном этим кодексом». При этом, если вторая часть этого пункта относительно возможности в необходимых случаях личного проведения следственных (розыскных) действий и процессуальных действий, без сомнения, уже полностью выходит за пределы надзора и процессуального руководства, то предоставление указаний следователю можно расценивать как форму руководства. При этом обязательный характер их выполнения следователем можно расценивать как влияние на самостоятельность следователя и на расследование уголовного производства прокурором «чужими руками». Следовательно, одним из возможных путей решения этой проблемы является сохранение в полномочиях прокурора предоставления

указаний, однако с их не обязательным, а рекомендательным характером, что как раз и будет охватываться понятием процессуального руководства, которое направлено на определение и обеспечение методики, техники и тактики расследования соответствующего уголовного производства.

К полномочиям прокурора, которые также, по нашему мнению, не могут быть отнесены к процессуальному руководству и надзору, и тем нивелируют самостоятельность следователя, следует также отнести сообщение прокурором лицу о подозрении (п. 11 ч. 2 ст. 36 УПК), кроме случаев, предусмотренных в главе 37 УПК (Уголовное производство относительно отдельной категории лиц); поручение проведения следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскных) действий соответствующим оперативным подразделениям (п. 5 ч. 2 ст. 36 УПК); часть п. 16 ч. 2 ст. 36 УПК относительно полномочий прокурора самостоятельно обращаться с ходатайством о международной правовой помощи, передачи уголовного производства; назначения ревизий и проверок (п. 6 ч. 2 ст. 36 УПК).

Анализ закрепленных в УПК Украины и отмеченных выше полномочий прокурора, которые реализуются во время досудебного расследования, свидетельствует об отсутствии четкого разграничения между процессуальным руководством и уголовным преследованием. Тенденцию к необоснованному расширению полномочий прокуроров и ограничению полномочий следователей одно время отмечал и академик О.М. Бандурка, который писал, что в случае реализации подобных положений следователь превратится в технического работника или помощника прокурора. В свою очередь, расширение полномочий прокурора приведет к деформации его прокурорских функций – он превратится еще в одного руководителя следственного подразделения, а не в орган государственного надзора [9]. О.Ю. Татаров отмечает в своей монографии: «На фоне достижений нововведений, которые заложены в концепцию УПК страны, положения, которые определяют статус прокурора на досудебном производстве, расцениваются все-таки как шаг назад. Ведь нелогично сочетать в деятельности

прокурора несколько несовместимых функций: осуществления руководства досудебным следствием, надзор за выполнением законов органами досудебного следствия и поддержанием государственного обвинения. Эти функции не только «не совместимы», но и должны реализовываться лишь при условии разграничения компетенции разных субъектов» [4, с. 517].

Согласно ч. 5 ст. 40 УПК следователь, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями УПК, является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лицам, не имеющим на то законных полномочий, запрещается. Однако с принятием нового УПК идет речь уже далеко не о той самостоятельности следователя, которая была предусмотрена ч. 1 ст. 114 УПК 1960 г., в которой отмечалось, что при осуществлении досудебного следствия все решения о его направленности и о проведении следственных действий следователь принимал самостоятельно, за исключением случаев, когда законом было предусмотрено получение согласия от суда или прокурора, и нес полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Действующий УПК Украины насчитывает больше 40 процессуальных действий, в том числе негласных следственных (розыскных) действий, осуществление которых следователю позволяется или по согласованию, или по решению прокурора (за исключением тех, которые отнесены к исключительной компетенции следственного судьи). Таким образом, следователь фактически лишен возможности исключительно единолично принимать решение о направленности следствия и о проведении следственных действий.

Необходимо обратить внимание на то, что практическая реализация прокурорами – процессуальными руководителями следственных полномочий в разных регионах Украины имеет существенные отличия. По результатам проведенного экспертного опроса работников органов Национальной полиции Украины установлено, что процессуальные руководители отдельных прокуратур в своей деятельности пытаются реализовывать указанные полномочия в максимально полном объеме: они лично проводят обыски,

допросы, следственные эксперименты и другие следственные (розыскные) действия, поручают проведение следственных (розыскных) действий и негласных следственных (розыскные) действий соответствующим оперативным подразделениям и др. Однако в своем большинстве процессуальные руководители указанные полномочия не реализуют, а если и реализуют, то в исключительных случаях.

По большей части прокуроры во время досудебного расследования функцию процессуального руководства выполняют формально и ограничиваются предоставлением следователю поручений или указаний относительно проведения следственных (розыскных) действий, установления лица, которое совершило преступление, применения мер обеспечения уголовного производства, обновления следственной группы, мониторинга сети Интернет и др.

Такая разница обусловлена тем, что реализация прокурорами – процессуальными руководителями значительного количества выделенных нами следственных полномочий являются их правом, а не обязанностью (дискреционными полномочиями).

Таким образом, законодательство позволяет прокурору по их усмотрению или желанию проводить отдельные следственные действия или принимать процессуальные решения в том или ином уголовном производстве, что, по нашему убеждению, предоставляет поле для злоупотреблений при выборе «вмешательства» в расследование, а также в значительной степени нивелирует процессуальную самостоятельность следователя при расследовании им уголовных правонарушений.

Выводы. Таким образом, украинский законодатель соединил несколько, по нашему мнению, несовместимых функций прокурора: осуществление руководства досудебным следствием, надзор за выполнением законов органами досудебного следствия и поддержание государственного обвинения, а также почти полностью предоставил ему полномочия на личное уголовное преследование, которое, очевидно, мешает оптимизации процесса досудебного расследования и часто ведет к пересечению функций следователя, руководителя органа досудебного расследования и прокурора. Убеждены, что

в положениях УПК Украины должен быть заложен умный компромисс, баланс полномочий следователя и прокурора, что, с одной стороны, обеспечит процессуальную самостоятельность следователя, а с другой, – действенность прокурорского надзора за досудебным расследованием.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний процесуальний кодекс України. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України». Х. Одиссей, 2012. 360 с.
2. Аналітично-статистичні матеріали про стан законності та протидії злочинності за 12 місяців 2016 року. Генеральна прокуратура України, Управління організаційного забезпечення Єдиного реєстру досудових розслідувань та інформаційно-аналітичної роботи. Київ: ГПУ, 2017. 75 с. (з Додатками).
3. Аналітично-статистичні матеріали про стан законності та протидії злочинності за 12 місяців 2017 року. Генеральна прокуратура України, Управління організаційного забезпечення Єдиного реєстру досудових розслідувань та інформаційно-аналітичної роботи. Київ: ГПУ, 2018. 73 с. (з Додатками).
4. Татаров О.Ю. Досудове провадження у кримінальному процесі України: теоретико-правові та організаційні засади (за матеріалами МВС): монографія. Донецьк: ТОВ «ВПП «ПРОМІНЬ», 2012. 640 с.
5. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України від 28 червня 1996 року. Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. С. 141.
6. Середа Г.П. Кримінально-процесуальна діяльність прокурора в контексті законопроектних новел. Вісник Національної академії прокуратури України. 2009. № 9. С. 5–9.
7. Рекомендації і пропозиції експертів Ради Європи до проекту Кримінального процесуального кодексу від 20 лютого 2012 року. URL: http://portal.rada.gov.ua/control/uk/publish/article/news_left_art_id=299205&cat_id=37486
8. Висновок щодо проекту КПК України на підставі експертизи Лорени

Бахмаер-Вінтер, Джереми МакБрайда та Еріка Сванідзе. Директорат з питань правосуддя та людської гідності. Страсбург. 2 листопада 2011 р. DG-I(2011). С. 16. URL: http://zib.com.ua/files/Ukrainian_translation_final_1.doc

9. Стенограма комітетських слухань на тему: «Про стан підготовки до розгляду у другому читанні Кримінального процесуального кодексу України (реєстраційний № 9700 від 29 лютого 2012 р.).»

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Добруцкий Игорь Николаевич – временно исполняющий обязанности заведующего кафедрой уголовного процесса Одесского государственного университета внутренних дел;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dobrutskiy Igor Nikolayevich – Acting Head of the Chair of Criminal Process of the Odessa State University of Internal Affairs;

igor_7721000@ukr.net

UDC 347.424

THE LEGAL IMPACT OF UKRAINIAN GRAIN EXPORT QUOTA REGIME ON EXECUTION OF FOREIGN TRADE CONTRACTS

Irina ZVYAGINA,

Senior Lecturer at the Department of Public Law of National Technical University of Ukraine «Igor Sikorsky Kyiv Polytechnic Institute»

SUMMARY

Ukrainian grain export quota regime had a significant legal impact on execution of foreign grain supply contracts in 2010 and 2011. More specifically, the paper focuses on the practical overview of a seller's obligation to obtain export licence under a foreign trade contract and Incoterms 2010. This article then examines importance of prohibition clause published by the Grain and Feed Trade Association (GAFTA). The author also introduces the reader to the new GAFTA force majeure clause, which provides for prohibition of export, and the English law cases on prohibition of export including disputes with Ukrainian parties. The choice of law clause in many foreign trade grain contracts refers to the English law and incorporates GAFTA standard contract terms. Knowledge of the GAFTA rules and English law cases becomes critical to lawyers from Ukraine and Moldova.

Key words: sale of goods, international trade, Ukrainian grain export quota regime, foreign trade contracts, Incoterms 2010, GAFTA, prohibition clause, prevention of shipment clause, force majeure event, interpretation, seller's obligation to obtain grain export licence.

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ УКРАИНСКОГО РЕЖИМА КВОТИРОВАНИЯ ЭКСПОРТА ЗЕРНА НА ИСПОЛНЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНТРАКТОВ

Ирина ЗВЯГИНА,

старший преподаватель кафедры публичного права Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»

АННОТАЦИЯ

Режим квотирования экспорта зерна в Украине оказал значительное правовое воздействие на исполнение внешнеэкономических контрактов поставки зерна в 2010 и 2011 годах. В частности, в работе основное внимание уделяется практическому обзору обязанностей продавца по получению экспортной лицензии согласно внешнеэкономическому контракту и Incoterms 2010. В статье рассматривается важность положения о запрете экспорта, опубликованного Международной ассоциацией торговли зерном и кормами (GAFTA). Автор также знакомит читателя с новым положением GAFTA о форс-мажоре, которое предусматривает запрет экспорта, и английскими судебными прецедентами о запрете экспорта, в том числе спорами с участием украинских сторон. Оговорка о выборе права во многих внешнеэкономических контрактах поставки зерна ссылается на английское право и включает стандартные условия контрактов GAFTA. Знание положений GAFTA и судебных прецедентов английского права становится насущным для юристов из Украины и Молдовы.

Ключевые слова: продажа товаров, международная торговля, украинский режим квотирования экспорта зерна, внешнеэкономические контракты, Incoterms 2010, GAFTA, положение о запрете экспорта, положение о препятствовании поставке, форс-мажорное событие, толкование, обязанность продавца по получению лицензии на экспорт зерна.